

— Не очень, — оттолкнул его Чу Юй. — Он натурал.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю.

— Ты скучный. — Чэнь Фэн толкнул его в ответ. — Вечером после ужина они точно пойдут в караоке, это скучно, давай пойдём в бар, пойдём?

Чу Юй задумался, вспомнив, что он вообще не уверен, сможет ли он сесть за стол, и начал грустить заранее:

— Посмотрим.

Чэнь Фэн решил, что он беспокоится из-за Сун Цзиньчэня, и похлопал его по плечу:

— Не бойся старика Суна, он мягкий, если ты с ним понежничаеть, он точно разрешит.

Семья Чэнь любила показуху. Даже в трудные времена они устраивали всё с большой помпой. Когда Чэнь Би вышла замуж за старого Суна, семья была против. Она была старшей дочерью, выросшей в артистической среде, красивой, и ей не следовало выходить замуж за человека из другого региона. Позже сын Чэнь Би, маленький Сун, разбогател и помог материнской семье, и только тогда братья смогли достичь нынешнего благополучия. Если бы это был юбилей Чэнь Би, его бы отмечали в родовом доме в Шанхае. Не ради чего-то другого, а ради того, чтобы почувствовать себя в центре внимания.

Если бы дело зависело от Сун Цзиньчэня, они бы просто собрались поужинать, без пышности. Зачем устраивать всё как королевский выезд, это выглядит наигранно. В последние месяцы он много общался с людьми вне дома, и ему надоела такая атмосфера. Он вообще не был тем, кто стремился к этому.

Люди его уровня жили в огромных домах площадью тысячи квадратных метров, с десятками слуг, играли в машины, часы и делали деньги на репутации. В гараже Сун Цзиньчэня было только две машины — BMW и Bentley. Три часа он носил уже почти десять лет. В доме в Пиншане была всего одна уборщица. Самая крупная сумма, которую он потратил в этом году, была на браслет для ноги Чу Юя.

Единственное, в чем он проявлял слабость, — это любовь к красоте. Всё можно было превратить в бизнес, но тех, кто спал с ним на одной подушке, трогать было нельзя. Он был очень щедр к своим любовникам, даже к временным связям, давая им приличные суммы на жизнь.

Его мать, Чэнь Би, с самого его рождения считала его странным. Когда он был маленьким, он хватал юани и не отпускал их, в начальной школе уже научился вести дела, а в средней школе

отказался ехать на математический конкурс в провинцию, объяснив учителю, что дорога обойдется дороже, чем приз, и это невыгодно.

Чэнь Би, занимавшаяся высоким искусством, презирала эту коммерческую жилку в своем сыне. Даже когда Сун Цзиньчэнь достиг нынешнего положения и обеспечил ей лучшую жизнь, она всё равно презирала это.

Если коммерческий характер еще можно было терпеть, то его беспорядочная личная жизнь была настоящим ударом по репутации Чэнь Би. К счастью, несколько лет назад он завязал отношения с подходящей девушкой, они даже обручились. Её семья была благородной, она работала врачом, не обращая внимания на его прошлое, и её поведение было образцом добродетельной жены. Но потом всё как-то сошло на нет, и больше о ком-то рядом с ним не слышали. Чэнь Би подумала, что он остепенился, ведь ему уже за тридцать, и он должен был понимать, что такое приличия.

Но теперь он привел какого-то странного, подозрительного парня, который явно не был нормальным, и при всей семье они вели себя как влюбленные, без стыда и совести, словно все должны были знать, на чем он держится рядом с женщиной.

Думая об этом, Чэнь Би, расчесывая волосы, случайно вырвала несколько черных прядей. Гнев оставил на её лице две глубокие морщины, и она поспешно провела пальцами по коже, чтобы разгладить их, чтобы морщины не закрепились.

Улыбка. Чэнь Би смотрела в зеркало, осторожно приподнимая уголки губ. Морщины были мелкими и ещё терпимыми. Настроение немного улучшилось, и она отбросила мысли о своём непутевом сыне.

Если сегодня за ужином он не устроит никаких сцен, она снисходительно сочтет его почтительным, а когда он вернется в Хунши, она закроет глаза на всё, что он будет делать, даже если он устроит конкурс красоты.

Рождение новой жизни — это тяжелый и сложный процесс, ничуть не легче, чем освоить любую техническую профессию.

Чу Юй смутно помнил, как его мать носила его младшего брата, такой большой живот, и она всё равно хлопотала по дому. Казалось, это было не так сложно. Но когда пришло его время, всё стало намного труднее.

Пять месяцев. Ранний токсикоз наконец прошел, и он уже мог чувствовать явные движения плода. Иногда ребенок внутри него вытягивал ручки и ножки, что всегда пугало его. Он почти не общался с плодом, а когда Сун Цзиньчэнь разговаривал с ним, он подключал Чу Юя.

— Он всё равно не понимает, — с убеждением говорил Чу Юй, немного обиженно.

Он решил оставить его, но за полгода всё ещё считал его чужеродной плотью, пришельцем, который забрался в его живот, ничего не делал и так легко забрал всю любовь Сун Цзиньчэнь.

Сун Цзиньчэнь показал ему снимок УЗИ, указывая на одно из темных пятен на желтоватом фоне:

— Смотри, его носик тоже вздернут, как у тебя, правда?

— Ничего не видно, — отвернулся Чу Юй, почесав кончик носа. — У меня некрасивый нос, скажи ему, чтобы не был таким, как у меня.

Три часа дня. Солнце наконец успокоилось и медленно поползло на запад.

Чу Юй лежал на боку, подложив под руку мягкую подушку. Его бедра уже не имели того привлекательного изгиба, вместо этого появились постепенно накапливающиеся жировые отложения. Эти надоедливые килограммы, как вата, наполнили его тело. Ягодицы стали настолько полными, что казалось, они вот-вот лопнут, как спелые плоды, которые при нажатии выделяют липкий сладкий сок.

Он тихо стонал. Одна сторона его груди, прижатая к подушке, уже была мокрой и источала молочный запах.

Яички Чу Юя находились в брюшной полости, рядом с простатой. Природа создала его как Адама и Еву, тщательно вылепив его женственную внешность, но мужские органы скомкала и бросила куда попало.

Постепенно увеличивающаяся матка, как спелая груша на ветке, день за днем давила на железы в его теле, делая его более чувствительным, и он легко возбуждался.

Соски стали опухшими, молочные протоки были вывернуты, и нежный розовый цветок был раздражен. Язык мужчины легонько касался этого маленького отверстия, а затем сильно втянул, вытягивая слегка солоноватое молоко.

Под Чу Юем уже образовалась лужа, но Сун Цзиньчэнь не торопился, а просто поднял одну из его ног и медленно вошел до конца, слегка надавливая на шейку матки, которая тоже была набухшей и плотно закрытой, как крепость, которую можно разрушить только изнутри.

— Ах... — Чу Юй закрыл глаза, в его голосе слышались слезы. — Ты... ты, черт возьми, шевелись же!

— Не ругайся! Воспитание ребенка! — Сун Цзиньчэнь нахмурился, а затем расслабился, поцеловав его потный висок. — Дорогой, потерпи, ты ведь уже пять месяцев терпел, что тебе стоит ещё немного?

— Что стоит? Ты говоришь, что стоит! — Чу Юй повернул голову, и слеза покатила по его носу. — Я бросил курить, не езжу на машине, не смотрю в телефон, и это единственное, что мне осталось, а ты не даешь мне насладиться этим, и еще спрашиваешь, что стоит? Ты говоришь, что стоит!

Чу Юй и Чэнь Фэн, наевшись, один за другим встали из-за стола и вышли на улицу.

Они стояли на ветру. Чу Юй, почувствовав зуд во рту, достал сигарету и закурил. Чэнь Фэн, сидя на корточках, листал приложение, выбирая бар, и похлопал Чу Юя по ноге:

— Дай одну.

Чу Юй стукнул по пачке, выбив полувыпавшую сигарету, и протянул её Чэнь Фэну, после чего наклонился, чтобы зажечь зажигалку.

— Надо втягивать, — подсказал он.

— Да я знаю! — Чэнь Фэн, сидя на корточках, держал сигарету тремя пальцами. Выглядело это немного пошло, и он закашлялся, вскочив на ноги. — Что это за дрянь, так сильно дымит.

<http://bllate.org/book/15448/1370484>